

УДК 34(470+571)«17/1917»
ББК 67.3(2)5

ОБЪЕКТИВНЫЙ КРИТЕРИЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН ПО РУССКОМУ ДОРЕВОЛЮЦИОННОМУ ПРАВУ

А.В. Остапенко

В настоящей статье автор в качестве объективного критерия дееспособности граждан избирает возрастной критерий и анализирует перечень сделок, которые могли совершать самостоятельно или при помощи опекунов (попечителей) две группы лиц – малолетние (в возрасте до 17 лет) и несовершеннолетние (в возрасте от 17 до 21 года). По достижении 21 года все граждане в силу этого факта приобретали полную дееспособность, за исключением тех из них, кто страдал психическими или иными заболеваниями (например, глухонемых). Такие лица оставались на положении малолетних вплоть до принятия в отношении их специального решения врачебной комиссии.

Ключевые слова: объективный критерий; дееспособность; правоспособность; полная дееспособность.

Приобретение гражданином дееспособности, как полной, так и частичной, законодатель любой страны в любую историческую эпоху связывал с достижением определенного возраста. В юридической литературе возрастной критерий дееспособности именуется также объективным, поскольку лицо по достижении установленного законом возраста считается дееспособным в той же мере, как и все прочие лица, достигшие того же возраста. Безусловно, эта презумпция опровержима, но исключения, связанные с состоянием здоровья и некоторыми другими особенностями и личностными качествами самого индивида, в данном случае лишь подтверждают правило.

Заметим, что возрастной критерий дееспособности существовал и тогда, когда само понятие дееспособности еще не было известно ни законодательству, ни цивилистической науке. Так было в римском праве, так же было и в древнерусском праве, которое не проводило различия между право- и дееспособностью, однако, как свидетельствует, например, К.А. Неволин, «с са-

мых древних времен существовало сознание о невозможности упражнять свое право при отсутствии гарантий разумения, представленных зрелым возрастом» [2]. В свою очередь, Г.Ф. Шершеневич приводит примеры, позволяющие с высокой степенью вероятности утверждать, что возраст, достижение которого обуславливало свободу самостоятельной деятельности, составлял 15 лет. В частности, дети служилых с достижения 15 лет верстались поместьями; девицы, согласно Судебнику 1550 г., владели данными им на прожиток поместьями только до 15 лет; по Уложению Алексея Михайловича кабала, данная лицом, не достигшим 15 лет, признавалась недействительной, и т. д.

Однако в 1785 г. Екатериной II был установлен возраст совершеннолетия в 21 год [3].

В Своде Законов Гражданских уже использовались оба термина: и «правоспособность», и «дееспособность». Однако, как отмечал тот же Г.Ф. Шершеневич, это происходило «без всякого разграничения соединяемых с ними понятий» [там же]. Между тем цивилистическая наука того времени эти понятия разграничивала. Например, Д.И. Мейер писал: «Если физическое лицо и одинаково способно к правам, правоспособно во все вре-

мя от рождения и до смерти, то осуществление прав предполагает способность к гражданской деятельности, дееспособность (*handlungsfähigkeit*), волю: осуществление права предполагает волю лица на совершение действия» [1].

Возраст, с достижением которого дореволюционное российское законодательство в период с 1785 по 1917 г. связывало наступление совершеннолетия, а равно и полной гражданской дееспособности, оставался неизменным – 21 год.

Вместе с тем в Своде Законов Гражданских различались три возрастные группы:

а) малолетние (в возрасте до 17 лет);
б) несовершеннолетние (в возрасте от 17 до 21 года);

в) полностью дееспособные лица, достигшие возраста 21 года.

Г.Ф. Шершеневич, комментируя положения современного ему законодательства, отмечал в отношении дееспособности первых двух названных групп лиц следующее: малолетние находятся под опекой, которая заменяет их в совершении сделок, несовершеннолетние состоят под попечительством, которое содействует им при совершении сделок.

I. В период малолетства не может быть и речи о самостоятельном ведении торговли малолетними. Торговлю могут вести только опекуны.

1. Когда к малолетнему доходит торговое предприятие в готовом виде, по наследованию или дарению, то, согласно с задачей опеки сохранить имущество, на опекуне должна бы лежать обязанность лишь поддерживать предприятие. Однако закон предлагает опекуну заботиться, чтобы торги, промыслы и прочие дела малолетнего приведены были по возможности в лучшее положение (т. X, ч. 1, ст. 270). Это право опекуна улучшать торговые дела может привести к опасным попыткам расширить предприятие.

2. Когда к малолетнему дошли капиталы, то закон позволяет опекуну употребить их на торги, промыслы и тому подобное (т. X, ч. 1, ст. 268), то есть обращать на открытие торгового предприятия. Это право опекуна еще меньше согласуется с охранительной задачей опеки.

Некоторой гарантией в этом случае является то, что взять капитал из кредитного учреждения опекун может только с согласия опекунского установления, дворянской опеки или сиротского суда и с утверждения губернатора (т. X, ч. 1, ст. 268). Но если понимать эту статью буквально, то торговля была бы совершенно невозможной при опеке. Это означало бы, что опекун не может взять из банка денег, положенных им самим на текущий счет. Поэтому ст. 268 следует понимать в смысле необходимости разрешения губернатора на случай, когда дело идет о капитале, положенном в банк, независимо от производимой торговли.

II. В период несовершеннолетия различается круг сделок, которые несовершеннолетний способен заключать вполне самостоятельно, и круг сделок, для заключения которых необходимо соучастие попечителя.

1. В случае перехода торгового предприятия к несовершеннолетнему, по наследованию или по дарованию, ведение торговли производится самим несовершеннолетним, но не иначе, как с содействием попечителя при заключении каждой сделки. Попечитель не вправе дать общее согласие на ведение предприятия со всеми сопряженными с ним сделками (реш. кас. деп. 1872. № 1092)» [5].

Ученый отметил также, что вопрос о дееспособности несовершеннолетних в сфере торгового права являлся в современной ему юридической литературе дискуссионным, поскольку ст. 220, т. X, ч. 1 Свода Законов Гражданских «предоставляет несовершеннолетнему «управление своим имением», но в то же время запрещает давать обязательства, совершать акты и сделки какого-либо рода. При этих условиях самостоятельное ведение торговли немыслимо, потому что без обязательств невозможно торговое дело». Впрочем, другие авторы усматривали для несовершеннолетних возможность ведения дел посредством совершения сделок, не связанных с принятием на себя обязательств (Нерсисов-Гусаков), либо же посредством выдачи кому-либо полной неограниченной доверенности на управление всеми его торговыми делами (Башилов).

Еще одно правило Свода Законов Гражданских гласило, что «когда к несовершенно-

летнему дошли капиталы, то открытие на эти деньги торгового предприятия невозможно для самого несовершеннолетнего, потому что такой акт выходит из границ управления имением. Оно невозможно даже с согласия попечителя, потому что попечитель вправе дать согласие на отдельные сделки, а не на ряд сделок, неопределенных со стороны их последствий, каковым является всякое торговое предприятие» [5].

Лица, достигшие двадцатиодноголетнего возраста, становились по общему правилу дееспособными. Исключение делалось для глухонемых, которые в силу своего заболевания, от рождения до 21 года, с точки зрения права приравнивались к малолетним. По достижении же этого возраста в отношении них проводилось врачебное освидетельствование, по результатам которого, «если окажется, что свидетельствуемый может свободно изъяснить свои мысли и изъяслять свою волю, то предоставляется ему право управлять и распоряжаться своим имуществом наравне с прочими совершеннолетними, хотя Сенат, ввиду опасности полной свободы для их имущества, может, но не обязан, назначать к ним попечителей и поставить их, таким образом, навсегда в положение несовершеннолетних. Если освидетельствование приведет к обратному заключению, то глухонемые и немые продолжают до конца жизни оставаться под опекой на положении малолетних (т. X, ч. 1, ст. 381). «Отсюда следует, что, тогда как, по общему правилу, всякий, достигший совершеннолетия, предполагается уже, в силу самого закона, дееспособным до тех пор, пока не будет ограничен (например, вследствие душевной болезни), относительно глухонемых действует обратное предположение: и по достижении совершеннолетия, они продолжают считаться недееспособными до тех пор, пока по освидетельствовании не будет признана за ними дееспособность» (кас. реш. 1883, № 51)» [4]. От этой своей позиции Сенат позднее отступил (кас. реш. 1896, № 44), признав, что сделки глухонемых, хотя бы и не освидетельствованных в способности изъяслять волю, будут действительны, если обнаружится фактически полное сознание ими совершенного [там же].

Врачебное освидетельствование проводилось и в отношении душевнобольных. Тот

же Г.Ф. Шершеневич указывал, что «ненормальное состояние умственных способностей составляет препятствие для некоторых сделок, хотя бы душевная болезнь и не была установлена официальным порядком. Признаются недействительными брак, совершенный в сумасшествии одного или обоих супругов (т. X, ч. 1, ст. 37, п. 1), и духовные завещания, составленные не в здравом уме и твердой памяти (т. X, ч. 1, ст. 1017). Но для признания недействительности всех вообще юридических сделок, совершаемых душевнобольными, как лицами недееспособными, необходимо удостоверение такого состояния их в установленном порядке. По требованию родственников, опекунов, попечителей или наследников (т. X, ч. 1, ст. 367, прим.) или по собственной инициативе губернатора, который получил достоверные сведения, что эти лица опасны в общежитии или, по крайней мере, не могут управлять имением (т. II, изд. 1892, ст. 337), производится во врачебном отделении губернского правления освидетельствование предполагаемого больного (т. X, ч. 1, ст. 372). Если присутствие признает действительность помешательства, то протокол с вопросами и ответами препровождается в 1-й департамент Сената. С момента признания Сенатом (или губернским правлением, когда свидетельствуемый крестьянин) наступает по закону ограничение дееспособности душевнобольного, о чем доводится до общего сведения посредством публикации в «сенатских объявлениях» (т. X, ч. 1, ст. 374). Опека, – говорит закон, – не налагается в момент признания присутствием сумасшествия, но принимаются губернским начальством меры к охранению имущества больного (т. X, ч. 1, ст. 374). Неясным представляется, какие административные меры могут быть принимаемы в тот довольно продолжительный промежуток времени, который пройдет между постановлением присутствия и утверждением постановления со стороны Сената, и какова будет сила сделок, заключенных душевнобольным в это время при недостаточности административного надзора. Очевидно, доказывать ненормальное состояние в момент совершения сделки для опровержения ее нет необходимости, потому что оно признано только что в официальном порядке. Следовательно, вопреки словам за-

кона, ограничение дееспособности наступает со времени признания лица душевнобольным во врачебном отделении» [4].

Душевнобольные, равно как и немые (глухонемые), по своему статусу приравнивались к малолетним, что означало их полную недееспособность. Дееспособность такого лица могла быть восстановлена только по удостоверению, что больной выздоровел, в том же самом порядке, какой определен для признания его больным.

На дееспособность физического лица, по русскому гражданскому законодательству, могло влиять также расстроенное состояние имущества, которое могло, при наличии ряда обстоятельств, привести к ограничению дееспособности лица, так же, впрочем, как и в действующем законодательстве РФ.

Отдельные ограничения дееспособности были установлены гражданским законодательством дореволюционной России и в от-

ношении женщин, причем замужних. Они ка-сались, в частности, сферы действия вексельного права; кроме того, замужняя женщина без согласия мужа не могла заключать договор личного найма, и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мейер, Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч. Ч. 1 / Д. И. Мейер. – Печ. по испр. и доп. 8-му изд. – М., 1997.
2. Неволин, К. А. Полное собрание сочинений / К. А. Неволин. – Т. 3. – Спб., 1857.
3. Шершеневич, Г. Ф. Курс гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – Тула, 2001.
4. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Изд. бр. Башмаковых, 1911.
5. Шершеневич, Г. Ф. Учебник торгового права / Г. Ф. Шершеневич. – 9-е изд. (2-е посмертное). – М. : Моск. науч. изд-во, 1919.

AN OBJECTIVE CRITERION OF THE ACTIVE CAPACITY OF CITIZENS IN RUSSIAN PRE-REVOLUTIONAL LAW

A. V. Ostapenko

In this article the author considers the criterion of age as an objective index of the active capacity of citizens from the very ancient times till year 1785 and analyses a list of civil and trade deals, that two groups of people – young minors (aged under 17) and minors (aged between 17 and 21) – could make by themselves or with the aid of trustee. At the age of 21, all persons *ipso facto* got full active capacity, except for those who had mental derangement or other disorders (such as deaf and dumb people). The latter remained in the legal status of the young minors until a special decision of the medical council.

Key words: *objective criterion; capacity; legal capacity; full active capacity.*